

Талант *Маск. краевед. -*

1992 - 25 сент.

Сентиментальный**ужин****с Н. Михалковым**

Как чисто и светло бывает в душе на рассвете, когда тебя незаметно отпускает ночь, сотворенная волшебным словом художника...

Мы приехали в Пущино в гости к Никите Михалкову поздно, около одиннадцати вечера, и по счастливой случайности попали прямо на ужин. Нас представили друг другу, и с того момента я уже не отрываясь смотрела на Михалкова и слушала...

Казалось, мы были знакомы много лет, а может быть, задолго до моего рождения... Я вспоминала, как путешествовала на Сахалин вместе с Чеховым, заглядывала в гости к Репину на илюминные котлеты, как именно при мне писал Коровин портрет Шаляпина...

Может, в силу своей молодости, робости перед знаменитым режиссером, актером я большую часть разговора молчала. Говорили друзья. Михалков заражал своим жизнелюбием. Но не актерским умением, не магнетизмом «звезды» притягивал к себе, а каким-то поразительным сочетанием спокойствия и чувственности, ощущением гармонии с этой удивительной летней ночью, растворившей в себе и лес, и реку, и нас, случайных его гостей...

А он рассказывал о том, что готовит новый большой публицистический сериал — «Сентиментальное путешествие на мою родину через русскую живопись. Н. Михалков». Говоря об одной из серий создающегося фильма, упомянул о вероятном разговоре, во время которого Коровин писал портрет Шаляпина. Представьте: камера движется по крупным мазкам картины, воспроизводя только цвет, и не открывая нам сразу изображения. Мы слышим предполагаемый диалог между художником и певцом, который заканчивается словами Шаляпина: «Ты все же гения пишешь!», на что Коровин отвечает: «Но ведь и тебя пишет гений!».

Мы с жадностью и подобострастием поем дифирамбы своим вождям и правителям... А художник? Ведь он такой же смертный, как и мы. И нас коробит мысль, что вот он сейчас идет по той же улице, где и мы частенько ходим, или обедает в том же ресторане, где официанты нас знают в лицо.

Но так иногда хочется бежать от посредственности, чтобы признать талант сейчас, а не только после смерти. И я молю Бога: лишь бы не угасла восторженность и вера, которую я обрела, общаясь с ним. В тот момент мне больше всего хотелось верить в нашу исключительность, в наш талант и искренне чувствовать, что мы все же хозяева на этой земле.

Р. РЕЗЕЛОВА.